

Интердевочка

Автор:

Владимир Кунин

Интердевочка

Владимир Владимирович Кунин

Скандальная повесть Владимира Кунина «Интердевочка», а позже и одноименный фильм стали сенсацией в перестроечном СССР. Медсестра Таня Зайцева по ночам работает валютной проституткой и мечтает о красивой жизни. Наконец ей везет – состоятельный иностранец делает Тане предложение. Сначала жизнь за границей кажется сказкой – красивый дом, собственная машина, новые вещи. Но бывшая интердевочка так и не находит себе места в этой сказке.

Владимир Кунин

Интердевочка

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Жизнь – не школа для обучения светским манерам. А наш роман не пособие о том, как держать себя в свете, и не научная книга о том, какие выражения допустимы в благородном обществе. Это историческая картина определенной эпохи.

Ярослав Гашек.

Часть первая

Была середина белой летней ночи. Мне нужно было успеть одеться, привести себя в порядок, выскользнуть из гостиницы, поймать тачку, доехать до дома, поспать пару часиков и к восьми махнуть в свою больничку.

Времени было еще навалом. Я стояла у распахнутого окна в одних туфлях и трусиках и не торопясь застегивала лифчик. Я знала, что и без шмоток выгляжу будьте-нате, и была уверена, что он сейчас с меня глаз не сводит. Но если с вечера во мне к мужикам еще что-то шевелится, то к утру уже все настолько до лампочки, что и не высказать. И моя неторопливость – просто результат привычки.

С высоты десятого гостиничного этажа я видела плывущий по Неве буксир и баржу с желтым песком. Когда вздыхающий буксир вполз под взметнувшийся в небо пролет Литейного моста и звук его двигателя почти перестал быть слышен, с баржи донеслась мелодия какого-то старого фильма. Что за фильм, пес его знает...

– Я люблю тебя, Таня, – сказал он у меня за спиной.

Он неплохо трекал по-нашему. Даже надбавку получал в своей фирме за знание русского языка.

– Я тебя тоже, – ответила я, не оборачиваясь. Он мешал мне слушать мелодию с проплывающей баржи.

– Я хочу жениться с тобой, – торжественно произнес он.

Ох, черт подери! Неужели все? Неужели – точка?! Я резко повернулась к нему. Он все еще лежал в неширокой гостиничной кровати и напряженно щурил свои близорукие глаза.

- Слава те господи! - Я даже рассмеялась. - Наконец-то раскололся!..

- Что?

Я села к нему на кровать, погладила по лицу:

- Это правда, что мы поженимся?

Я заметила, что с ним и вообще с иностранцами, говорящими по-русски, я всегда разговариваю упрощенным языком. Это происходит невольно, помимо моего сознания. Может быть, я инстинктивно стараюсь облегчить им общение со мной?

- Ты действительно хочешь на мне жениться?

- Да. - Он положил голову мне на колени. Волосики у него были мягкие, реденькие, с пепельной проседью. - Я уже говорил со своей папой и мамой.

Это становилось серьезным.

- Нет, честно?!

- Да, конечно.

- И мы уедем к тебе?

- Да. Если хочешь.

Он еще спрашивает! А ради чего я здесь-то? Ни хрена они в нас не понимают. Даже самые умные.

Я наклонилась и поцеловала его в щеку. Почувствовала несвежий запах у него изо рта, встала и осторожно сказала:

- Теперь будет все, как захочешь ты. - И пошла в ванную.

Там я натянула свое бундесовое платице – полштуки отвалила за него Кисуле, – собрала в сумку свою косметику и подкрасила губы. И увидела непромытую, с засохшей мыльной пеной бритвенную кисточку. Я вот уже месяц с ним тусуюсь и каждый раз вижу эту непромытую кисточку. Но до сих пор я считала, что это его дело. А сегодня... Я тщательно вымыла кисточку, просушила ее в махровом полотенце и поставила на стеклянную полочку перед зеркалом. Может быть, именно с этой кисточки у меня начиналась совершенно новая жизнь...

Выйдя из ванной, я посмотрела в окно на Неву. Но баржи с песком уже не было – только след ее расходился по воде слабенькими волнами.

– Вот пятьсот крон. – Он смотрел на меня поверх очков и протягивал деньги. – Как всегда. Но если ты хочешь в долларах, то получится меньше. У нас сейчас немножко упал долларовой курс, и тебе это не может быть выгодно.

Брать? Не брать?.. Да в гробу я видела эти пятьсот крон! Теперь мне важно совсем другое.

Я ему и сказала:

– Спрячь. Завязано. Теперь ты у меня знаешь как будешь называться? «Бесплатник».

Я видела, что он ни черта не понял.

– У нас жены с мужей за... это самое денег не берут, – с невольной гордостью за наши национальные уклады объяснила я. – Аморально.

– Это правильно. Хотя жена всегда стоит дороже. – Он спрятал деньги в бумажник.

Все-таки какие они рассудительные и четкие ребята. Не то что наши. Хотя я даже и не понимаю – нравится мне это или нет.

– Презенты возьмешь? – Он мне кое-что купил в «Березке».

Я посмотрела на часы и решила не рисковать. Прихватит «спецура», найдут у меня эти шмотки, пока выяснят, что я их не того... я и на работу опоздаю.

- Нет. Лучше привези мне их сам. Хорошо?

- Хорошо, - согласился он. - И надо про нас обязательно сказать твою мать.

Я не вынесла его русского языка и рассмеялась.

- Обязательно! Чао! - Поцеловала его в нос и пошла к двери. - Пронеси, господи!

Теперь у нас в «интуристах» дежурных по этажу нет. Все как у людей «за бугром» сделали. А кто может помешать посадить у лифта старшую горничную? Никто.

Вот и сидит за столиком наша подруга драгоценная - Анна Матвеевна. Вид - для полтинника - еще будь здоров. Вся в люрексе, на голове - «хала».

- Доброе утро, Анна Матвеевна.

- Танечка! - Ну просто мать родная.

Я лифт вызвала, сунула ей червончик, помадку французскую добавила.

Анна Матвеевна глазками захлопала:

- Ой, ну ты всегда, Танюшка! Ну прямо я не знаю...

Но тут лифт подошел. Я ей рукой махнула - и шась в кабину.

А пока я себя в зеркале рассматривала и представляла, как я буду выглядеть «там» в качестве его жены, Анна Матвеевна (надо же быть такой сукой!) подняла трубочку телефона...

Ну и конечно, когда я доехала до первого этажа, тут же меня и приняли. Я так расстроилась, даже сплюнула.

- Тьфу, - говорю. - Ну что за непруха, а, Женя?!

А Женя стоит в свитерочке, в пиджачке кожаном и зевает. Ему только недавно лейтенанта дали. Все «младшим» был, бедняга.

- Может, отпустишь, Жень?

- Что ты, Зайцева! Пойдем, пойдем. У нас без тебя - скука смертная...

Пошли. Куда денешься?

- Анна Матвеевна стукнула? - спрашиваю.

- Я тебя не узнаю, Таня, - огорчился Женя. - Ты же опытный человек. Профессионал. Ну что за вопросы?

Идем гостиничными переходами. Мягкие кресла, полированное дерево, всюду пепельницы - кури не хочу. Другой мир! Казалось бы, спит гостиница без задних ног. А на самом деле держи карман шире: и наш «профсоюз» работает, и у спецслужбы ушки на макушке, и разная торговая шваль еще гуляет...

- А я замуж выхожу, Женя.

- Поздравляю. - Женя пропускает меня вперед и открывает дверь: - Проходи, Зайцева.

Каждый раз, когда я попадаю в эту комнату - обшарпанную, с жуткими столами, с продраным диваном, со стульями без спинок и уродливым сейфом, - мне начинает казаться, что эту комнату целиком вынули из какого-то отделения милиции и насильно впихнули в середину роскошной, построенной по последнему слову техники гостиницы «Интурист». И каждый раз для меня это смена миров...

- Здравс-с-сте, - сказала я всем присутствующим.

– Лучшие люди нашего профсоюза, – улыбнулся мне Толя. – Вот теперь почти полный комплект. Присаживайтесь, Татьяна Николаевна.

Толя – старший опергруппы нашей гостиницы. Милицейско-капитанского в нем ни на грош. В костюмчике с галстучком – вылитый студент. Только очки на нем не по студенческому карману. Очень попсовые очочки!

Посредине комнаты баррикада из двух письменных столов буквой «Т». По одну сторону – семь стульев вдоль стены для задержанных.

На первом – Наташка Школьница. Противная девка, наглая. Еще семнадцати нету. С восьмого класса ходить начала. Сейчас в десятом. Морда протокольная – и что мужики падают?! Под любого пьяного финна уляжется за полсотни его вонючих марок...

Ну а дальше – парад элиты! Дому моделей делать нечего. «Вог», «Бурда», «Неккерман», «Квилле», «Карден», «Пакен», «Нина Риччи»...

Каждый костюмчик – штука, полторы. Сапожки – шестьсот, семьсот, косметика – «Макс Фактор», «Шанель», «Кристиан Диор»... Это вам уже не Наташка Школьница. Это наш «профсоюз». Интердевочки. Валютные проститутки...

«И даже в области балета мы впереди планеты всей!»

Вот Зина Мелейко – кличка Лошадь Пржевальского. Такую клиентуру снимает – равных нет. По-итальянски чешет, по-фински. Сама шведско-русский разговорник составила. На нашу тему. Многие начинающие у нее переписывать брали. По четвертачку. Недорого. Ей только поддавать нельзя – нехорошая становится. Она и сейчас под банкой...

Подружка моя закадычная – Сима Гулливер. Была мастер спорта по волейболу. Очень крутая телка! Любого клиента до ста долларов дотянет. Меньше не ходит. Макияж наведет – глаз не оторвать. Голова – совет министров. Из чего угодно деньги сделает.

Нинка Кисуля. Фирмач на фирмаче, сама всегда в полном порядке. С утра бассейн, потом теннисный корт, обед только с деловыми людьми. К вечеру –

работа. Английский, немецкий, финский, конечно... Ленинградская специфика. Я Кисулю очень уважаю. Они с Гулливером меня по первым разам в свет выводили...

А за столом – по другую сторону баррикады – «спецы». Сегодня их трое. Все, конечно, в гражданском, прикинуты очень приличненько. В ментовской форме они только в удостоверениях сфотографированы. Лет им столько же, сколько и нам, от двадцати четырех до тридцатника. Все с образованием. Кто университет кончил, кто политех, кто инфизкульт. Ну и какие-то курсы милицейские. И правильно! Тут сразу двести двадцать с погонами. Это вам не сто сорок инженерских или учительских. Толя вон даже двести девяносто имеет как капитан. Не фонтан, конечно, но хоть что-то. У всех дети. У некоторых даже по двое...

– Присаживайтесь, присаживайтесь, Татьяна Николаевна. И продолжим наши игры. – Толя совсем близко поднес бумагу к очкам. – Где это мы остановились? А, вот... «Обязуюсь ходить в школу, закончить десятый класс и получить аттестат...»

– Половой зрелости, – вставила Зинка Мелейко. Все-таки она была перегружена выше нормы.

– Зинаида Васильевна, мешаете, – укоризненно сказал Толя и снова уткнулся в бумагу: – «Кроме того, даю честное комсомольское слово не посещать гостиницы “Интурист” и больше никогда не заниматься проституцией». Наталья, это объяснение кто писал неделю тому назад?

– Ну я. – Школьница нахально разглядывала потолок.

– В который раз? У меня коллекция твоих объяснений.

Наташка промолчала. Сунула в рот жвачку и давай жевать, корова. Наглая девка, как танк! А в это время в «спецуру» заглянули два мента в форме. Из территориального отделения.

– Здравия желаю, товарищ капитан. Прибыли.

– Привет, – ответил им Толя. – Посидите в холле. Евгений Александрович, оформляйте это не по годам развитое дитя века. А мы тут посмотрим, чем она дышит...

Он раскрыл Наташкин паспорт, и оттуда выскользнула фотография какого-то черномазого.

– Это кто?

– Мой друг из Кампучии, – жуя резинку, оживилась Школьница. – Он за мир борется. Там на обороте даже надпись есть.

– А у него в номере ты тоже за мир боролась?

– Да.

Обычно, когда «спецы» кого-нибудь из нас калибруют, мы молчим в тряпочку – нас столы разделяют. Но тут даже мы развеселились. Ну идиотка форменная!..

Толя пошуровал в Наташкиных мелочах и стал разбирать пачку «Ротманса». Высыпал из нее сигареты и обнаружил между золотой фольгой и коробочкой сто финских марок одной бумажкой. Ну кретинка! Ну кто так прячет?! Бездарность!

– Раньше больше пятидесяти марок у тебя не находили, а тут сто, – удивился Толя.

– В мире все дорожает. – Наташка надула пузырь из жвачки.

– Дешевка сопливая, – зло сказала Зина.

– Зинаида Васильевна! – Толя снова посмотрел на Зину поверх очков и спросил Школьницу: – А с каких это пор кампучийцы стали расплачиваться финскими марками?

– А марки я нашла.

- Надо же, чтобы так повезло. Где?

- В лифте.

- И когда тебя взяли, ты, естественно, сама шла к нам, чтобы сдать эту находку в бюджет государства?

- Естественно.

Тут уж не только «спецы», но и мы рассмеялись. Женя сказал:

- Заголовок в газете «Пионерская правда»: «Так поступают честные девочки». «Ученица десятого класса “Б”...»

- Вот именно, - вставила Зинка.

- «...сдала государству сто финских марок, найденных ею...»

- В штанах известного кампучийского борца за мир, - добавила Зинка.

- Кончили веселиться, - совсем тихо сказал Толя, и это сразу стало опасным. И мы это прекрасно знаем. Но Зина по пьяни этого не просекла.

- Ну почему же? Только начали!..

- И сразу кончили, - еще тише сказал Толя. - Начинаем таможенный досмотр. Все из карманов и сумочек на стол.

Обычное дело. И никто никогда не рыпается. Выкладываешь весь «джентльменский набор» - косметику, денюжки, фирменные сигареты, зажигалки, записные книжки, презервативы, противозачаточные таблетки, салфетки ароматические... Да мало ли что в бабской сумочке может быть! Ну и тебя досматривают. На то они и уголовный розыск. Ровным счетом ничем не рискуешь. Даже если у тебя валютку обнаружили. «Подарили». Или как эта идиотка малолетняя выступила: «В лифте нашла». Реквизнут, и все дела.

Но Зинка Мелейко (видать, она все-таки малость «перекушала») решила вдруг права качать. Уж на что она по трезвой осторожная лиса, а тут возьми и брякни:

– Где санкция на обыск?

Толя посмотрел на нее и говорит:

– Михаил Михалыч, пожалуйста, досмотрите Зинаиду Васильевну и оформите ее в отделение за пребывание в гостинице «Интурист» после двадцати трех часов в нетрезвом состоянии...

Миша стал заполнять на Зинку очередную карточку:

– Где работаете?

– Там же, где и раньше. Ленмостопроект.

– Кем?

– Разнорабочая.

Шмоток на ней было – штуки на две, не считая брюликов в ушах, которые сами по себе тянули на три косых. Зинка бижутерии не носит.

– А какая у вас зарплата?

– Девяносто рэ.

– Как выросло благосостояние рабочего человека! – восхитился Женя. – Достаточно взглянуть на Зинаиду Васильевну Мелейко – и вся враждебная пропаганда полетит кувырком, а лживые голоса заткнутся и зарыдают в полном бессилии.

В «спецуру» заглянул мент в форме.

– Машину держим, Анатолий Андреевич.

- Все, все. Забирайте вот этих двух.

- И потянулась цепь беззаконий, - пьяно усмехнулась Зинка.

- Если бы я был вооружен законом против проституции, Зинаида Васильевна, я бы еще несколько лет тому назад вас изолировал, - мягко так проговорил Толя.

- «На Марс ракеты запускаем, перекрываем Енисей...» - хрипло рассмеялась Зинка. - Да если бы вам потребовалось, вы бы нас в две недели без всякого закона ликвидировали. По всей стране. А мы вот гуляем до сих пор. Значит, нужны мы вам!..

- Нам?! - возмутился Миша. - Мы - спецслужба уголовного розыска, наша обязанность охранять имущество, жизнь и здоровье иностранных граждан, гостей нашей страны, а мы вынуждены больше половины рабочего времени посвящать вашей неуязвимой деятельности! И вы еще говорите, что вы нам нужны?!

- Ну не вам, - махнула рукой Зинка. - Может быть, вашим смежникам... Или еще кому-нибудь.

- Пошли, пошли, - испуганно сказал мент в форме.

- Вот именно. Чао, ребятки. До завтра. - Зинка подтолкнула жующую Наташку Школьницу: - Иди, иди, шалава. И не чавкай над ухом, грязнуха малолетняя.

- А разница только в возрасте и цене, - улыбнулась Школьница и на прощание выдула из жвачки пузырь. Пузырь лопнул, и дверь за ними закрылась.

Толя сел за стол и стал разглядывать Кисулины шмотки из сумки.

Женя взялся за мою сумку, Миша - за косметичку Гулливера.

- Сколько денег? - спросил Толя Кисулю.

- Не помню. Около тысячи двухсот.

Мы с Гулливером переглянулись. Значит, Кисуля уже троих успокоила по сто баксов каждого, да еще и успела сдать их «один-четыре». Ну дает Кисуля! Высокий класс!..

Толя словно прочитал наши мысли:

- Высокий класс! Значит, успела снять троих клиентов по сто долларов и даже валюту сумела сплавить один к четырем! А, Нина Петровна?

- Анатолий Андреевич, какая валюта! Это мои личные советские деньги. С тех пор как участились ограбления квартир, приходится все ценное носить с собой.

- А ты не слышала, что участились ограбления на улицах? – спросил Миша.

- Я тебя умоляю, Миша!.. Ты же знаешь – общественным транспортом я не езжу, бываю только в приличных местах... Это все мои сбережения.

- А на книжке? – поинтересовался Женя.

Мы-то с Симкой Гулливером точно знали, что у Кисули не меньше ста тысяч где-то имеется. Но Кисуле можно только соли на хвост насыпать.

- Женя! Какая книжка?! Откуда? Всем известно, что я страшная транжирка – люблю хорошо одеться, держу «котов»... О какой книжке идет речь?

- А презервативов столько зачем, Серафима Аркадьевна?

- А как же?! – Сима Гулливер долго молчала, и теперь ей жутко хотелось повыступить. – За границей нашей родины бушует СПИД, слышали? Передается только этим самым... Ну как его? Половым путем, извиняюсь. Так что мы идем рука об руку с нашим советским здравоохранением. И при очередных разборках, Анатолий Андреевич, я просила бы это учитывать самым серьезным образом.

- Серафима Аркадьевна, а вы не помните, что вас самым серьезным образом предупреждали, чтобы вы хоть к правительственным делегациям не цеплялись? – спросил Толя.

И я поняла, что нас в очередной раз отпустят с миром.

- Да я их в упор не вижу, Анатолий Андреевич! Я теперь вообще на государственный уровень не выхожу, и все правительственные делегации мне до фени! Хотя и они тоже люди, и ничто им не чуждо...

- А кто сегодня обслуживал аргентинцев?

- Клевета. Анатолий Андреевич, клянусь вам, клевета. На Аргентину я даже не посягала! Ни одного аргентинца! Я к ним даже не приближалась... - Передохнула и спросила так невинно-невинно: - Анатолий Андреевич, миленький, а как сделать так, чтобы и они ко мне не приближались?

- Забирайте свои вещи. Что там у Зайцевой, Евгений Алексеевич?

- Зайцева у нас теперь замуж выходит, и поэтому у нее все в порядке.

- Да... - говорю я им. - Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья...

- Кто счастливец? - спросил Миша.

Я усмехнулась.

- Службу надо знать, Михал Михалыч, - сказал Толя. - Эдвард Ларссон, представитель фирмы «Белитроник» - производство программных манипуляторов. Пребывает в Ленинграде в составе шведской делегации на международной выставке «Инрыбпром». Татьяна Николаевна была передана ему Гюнвальдом Рённом, сотрудником той же фирмы, прошлым клиентом Татьяны Николаевны, который сам не смог жениться на нашей Танечке, ибо оказался верным мужем своей шведской жены и любящим отцом троих детей. И это, Татьяна Николаевна, даже к лучшему. Господин Рённ - потенциальный алкаш, а Эдвард Ларссон - тихий, положительный и холостой, с явной тенденцией служебного роста внутри своей фирмы.

Все - и «спецы», и девчонки мои - хи-хи-хи да ха-ха-ха... Даже я с ними по запарке хихикнула, но тут на меня как накатило (со мной это иногда бывает. Я вдруг перестаю прикидывать и рассчитывать, и тогда свои и чужие неожиданно

сливаются для меня в одно – ненавистное, и мне все становится до фонаря). И я горела от этого уже десятки раз...

– Господи! – сказала я. – Как я устала от вас. Как же вы мне все надоели!..

И ни одного смешка. Тишина мертвая.

Кудрявцев очки снял, протер и снова надел. И тихо, не скрывая ярости, сказал:

– А вы-то нам как... Вот вы у нас где! – Он перехватил руками собственное горло. – От вас дрянь – как круги по воде. Моя бы воля!..

Но тут же взял себя в руки и так спокойненько приказал:

– Евгений Алексеевич, проводите, пожалуйста, Татьяну Николаевну к выходу. Раз уж сегодня вы с нею занимались.

...Идем темными переходами. Я сигарету вырвала из пачки, зажигалку не могу найти. Всю трясет... Женя чиркнул спичкой, дал мне прикурить. Довел до выхода.

Швейцар Петр Никанорович – отставник дерьмовый – увидел Женю, вскочил, сонная морда, с диванчика, побежал двери отворять, сволочь. Кланяется бывший подполковник нынешнему лейтенантику, торопится свое усердие показать. А сам с каждой проститутки от трех до пятерки за проход в гостиницу имеет. Да с гостей – по червончику, чтобы в ресторан просочиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kunin_vladimir/interdevochka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)